

Искажения инфополя «Дефекты» Дарьи Буюн и Дмитрия Степанова В ГАЛЕРЕЕ ANNA NOVA политинформирует Станислав Савицкий

ВЫВЕСТИ НА ЧИСТУЮ ВОДУ масс-медиа хотят Дарья Буюн и Дмитрий Степанов своим новым проектом-аудиоинсталляцией. Это несколько работ о скандалах и трагедиях прошлого века, растиражированных средствами массовой информации. Критическая позиция художников близка многим. Только ленивый сегодня не ругает СМИ за ложь и бездуховность. Есть и штатные ругатели — левые активисты, положившие и кладущие жизнь на критику масс-медиа. Жестокий век — гидру информационных технологий совсем затравили, так что иногда ее даже хочется пожалеть. Однако Дарья Буюн и Дмитрий Степанов не дают воли чувствам. Они делают искусство злободневное, политическое и социальное. Здесь нет даже того, что когда-то называли гражданской лирикой. Художники убеждены: в капиталистическом обществе сантименты неуместны.

Буюн уже сделала несколько проектов на ведущих петербургских и московских арт-площадках. Ее дебютная выставка в галерее «Anna Nova» несколько лет назад была похожа на митинг против эксплуатации труда. Лозунги и видеомонтаж фрагментов

«Выброс на ЛАЭС», 2008

из советских производственных и исторических фильмов призывали зрителей сплотиться ряды в борьбе против корпоративной этики. Кому хочется битый день сидеть в офисе? А приходится. Левацкая романтика — плод ученичества Буюн у Натальи Першиной-Якиманской и Ольги Егоровой на «Фабрике найденных одежд». Но, пожалуй, даже там никто не был способен так сопереживать тяжелой доле «белых воротничков».

Обычно Буюн делает инсталляции, объекты или видео. Новый проект в соавторстве с Дмитрием Степановым — едва ли не первая ее живописная выставка.

«Людоедская жига (Танцующий Гитлер)», 2008

Здесь будет представлено восемь больших холстов наподобие крупноформатных картин художников из сквота на Непокоренных. Каждый холст рассказывает случай из истории медийного безумия. В центре выставки две актрисы, ведущие знаменитую радиотрансляцию «Войны миров» Герберта Уэллса в 1938-м. Многие слушатели приняли ее за репортаж о пришествии на Землю инопланетян. Большинство же картин воспроизводят мифические эпизоды из истории тоталитаризма. Одна повторяет сцену взятия Зимнего из «Октября» Сергея Эйзенштейна. В действительности штурм не было, но многие до сих пор думают, что это документальный эпизод. Также есть порт-

реты доктора Хайдера (помните такого?), миротворческая голодовка которого недавно была разоблачена как инсценировка, и Сталина, произносящего речь на параде 7 ноября 1941 года, хотя на самом деле он там не присутствовал. Образ горе-селекционера Лысенко и похожая на развязку фантастического боевика сцена захвата НЛО американским спецназом дополняют политическую историю «клубничкой» времен холодной войны. Из свежих

слухов авторы выбрали недавнюю дезинформацию о радиационном выбросе на ЛАЭС. Как знаки помех в эфире, заставляющих усомниться в достоверности информации, изображения разрезают подтеки, нарисованные разноцветными фломастерами магнитные волны и «молоко» на телеэкране, памятное по похмельному пробуждению многим свидетелям информационных войн. К каждой картине прилагается аудиогид, разъясняющий зрителю суть истории. И если у вас еще оставалось доверие к журналистам, после этой выставки оно исчезнет. Вот какова волшебная сила искусства, когда оно достигает величия подлинного критического реализма.

Галерея Anna Nova, с 20 марта до 11 апреля

В натуральную величину Религиозная живопись Боровиковского в Русском музее проникается Ольга Лузина

МОДНЫЙ ПОРТРЕТИСТ, создатель воздушных-мечтательных женских образов и меланхолически-созерцательных мужских, автор самого непарадного изображения Екатерины II в домашнем платье и цепце, с тростью и любимой левреткой, на сумрачной аллее царскосельского парка — светского виртуоза Владимира Боровиковского знают все. В постоянной экспозиции Русского музея двадцать его картин. А вот в честь 250-летия со дня рождения художника (которое следовало бы отметить два года назад) решили показать его религиозную живопись. За ней далеко ходить не надо: в Русском лучшая коллекция церковных вещей Боровиковского, почти сорок картин, к ним добавили немного из Третьяковки и других российских собраний. В советское время такая выставка была немыслима, да и сегодня по меньшей мере странно видеть рядом с хрестоматийно утонченными барышнями воинственных архангелов и расшитых драгоценностями святых в полный рост.

Между тем Боровиковский как художник вырос из иконописи. Родился в Миргороде, в семье малороссийских казаков-богоматов, к двадцати семи годам дослужился до поручика, вышел в отставку и изрядно поработал для многих храмов, в том числе целиком выполнил иконостас для Троицкой церкви в Миргороде. Редкие сохранившиеся вещи этого периода вполне вписываются в традицию украинского барокко с их подчеркнутой декоративностью и пламенеющим красным и оранжевым колоритом. Вероятно, Боровиковский так и остался бы самым искусным из местных иконописцев, но его аллегорические росписи во временном дворце Екатерины на пути в Крым понаравились государыне, и она выписала художника в Петербург. В тридцать лет он попал в круг столичной интеллектуальной элиты. Натурные классы Академии художеств, эрмитажные шедевры, общение с Левицким изменили внешность его живописи — украинская слащавость и яркость сменилась русской академической сухостью и подра-

«Апостол Филипп и ангел», 1824–25

жанием Тициану и Мурильо, — но от религии не оторвали. Даже несмотря на знакомство с австрийским портретистом Иоганном Батистом Лампи, принесшее великосветский вал портретных заказов. Потекли деньги, потом пошли звания от Академии художеств, но художник раздавал деньги бедным, а сам так и жил отшельником.

Искусство он считал призванием и служением Богу, жизнь — испытанием веры и

любви. В духовных поисках метался между масонскими ложами и мистическими братствами, нередко им бессовестно пользовались под предлогом духовного спасения. Церковь он никогда не забывал, всю жизнь писал иконы: для Казанского и Исаакиевского соборов, для Домовой церкви Михайловского дворца, для храмов Харьковской, Псковской и Черниговской губерний. Делал и портреты православных священников. Последняя его работа — иконостас придела Михаила Архангела для Троицкой церкви на Смоленском кладбище, за который он взялся по собственному желанию и который не успел закончить. Кукольные лица с идеальными дугами бровей и губками бантиком, легкая, почти лишенная объема плоть святых на серовато-коричневом фоне поразительно далеки от глубоких по характеру, полнокровных светских работ. И в них, и в религиозной живописи есть затаенность, некое ожидание, мягкая грусть — ее привыкли считать чертой портретов, но она отсюда, из икон.

Русский музей, с 26 марта до 26 апреля